

Б. М. ГАСПАРОВ

СИСТЕМА ЯЗЫКОВЫХ АРЕАЛОВ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ТИПОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ

0. Развитие структурной типологии языков в течение последних полутора столетий шло в основном по пути усложнения и дифференциации типологических параметров – от первоначального выделения двух-трех основных «морфологических» типов языков до построения многомерных классификаций Э. Сепира и Дж. Гринберга и поисков многообразных языковых универсалий. Однако структурная типология всегда имела одну принципиальную общую черту: она абстрагировалась от генетических и географических связей между языками; каждый типологический признак реализуется в языках, принадлежащих к самым различным географическим ареалам и языковым семьям.

Такой подход отвлекается от многочисленных фактов, указывающих на то, что в пределах одного ареала языки вырабатывают ряд общих структурных черт, несмотря на принадлежность к различным семьям и различным основным структурным типам. Классическим примером такого рода является Балканское языковое единство, объединяющее рядом общих признаков языки, различающиеся между собой как генетически (и.-е. и тюрк. языки), так и типологически (флективные и агглютинирующие языки), или союз индийских (флективных) и дравидийских (агглютинирующих) языков на полуострове Индостан. Необходимость учитывать географический фактор привела к формированию понятия языкового союза, которое получило большое распространение в особенности начиная с 20–30-х годов. Однако выделение языковых союзов, как правило, бывает эффективным только в рамках ограниченного географического ареала, четко отделенного от других зон: полуострова, архипелага, бассейна моря, горного массива. Поэтому языковые союзы оказываются лишь фрагментами, покрывающими небольшую часть языковой карты мира¹.

Таким образом, имеются два интерферирующих подхода к описанию структурных типов языка, из которых один (универсальный) дает общую

типологическую классификацию, но не связывает ее с распределением языков по культурно-географическим зонам, другой же (ареальный) исходит из географического распределения языков, но при этом дает описание лишь некоторых участков, не складывающихся в общую картину. Такое состояние лингвистической типологии определило характер теорий, рассматривающих связи между структурой естественного языка и психологией, поведением и культурой его носителей.

Культурологическая интерпретация особенностей структуры естественного языка апеллирует к историческим, социальным, экономическим факторам, поэтому она не может игнорировать ареальную характеристику языка. Использование для этой цели данных универсальной типологии языков встречается со значительными трудностями из-за несвязанности языковых типов с определенным культурно-географическим контекстом. Примером такого подхода является стадильная типология Н. Я. Марра, в которой морфологические типы языка (корнеизолирующий, агглютинативный и флективный) связывались с определенными этапами социально-экономического развития², или теория изменения языков от синтетического типа к аналитическому (О. Есперсен)³. Однако идея прогрессивного развития к аналитизму, хорошо объясняя ряд явлений и.-е., отчасти также семит. и тюрк. языков, оставляет необъясненным факт существования больших массивов корнеизолирующих языков (в Ю.-В. Азии, Зап. Африке), в которых в течение долгого времени если и происходили изменения, то именно в направлении развития некоторых элементов синтетического строя. Еще больше трудностей такого рода встречает, как известно, стадильная теория. Вообще, представление о том, что современные языки находятся на разных стадиях развития, оказывается гораздо более проблематичным и труднодоказуемым, чем аналогичное представление о различных социально-культурных конгломератах.

В силу описанных трудностей лингво-культурология чаще оперирует такими лингвистическими параметрами, которые могут быть связаны с определенным культурным ареалом, т. е. использует подход, соответствующий ареальной типологии языков. Однако вместе с ареальной типологией языков лингво-культурология воспринимает основной недостаток, присутствующий до сих пор данному подходу, – его фрагментарность. Если связь между структурной характеристикой языка и определенным культурно-географическим ареалом устанавливается только для отдельных ограниченных участков, то и культурологическая интерпретация оказывается в состоянии охватить только отдельные противопоставляемые друг другу участки. Чаще всего объектом интерпретации является противопоставление между европейской и какой-либо неевропейской («экзотической») язы-

ковой структурой; ср. описание языка Кави у Гумбольдта⁴, противопоставление «европейского стандарта» и индейских языков у Б. Уорфа⁵. Другим распространенным случаем описаний этого типа является, монографическое исследование какого-либо одного узкого лингво-культурного ареала⁶. Описания такого характера дают лишь фрагменты лингво-культурной типологии. Они не отвечают на вопрос о том, какова общая картина лингво-культурных типов и каковы закономерности территориального распределения и соотношения этих типов. Поэтому и характеристика отдельных лингво-культурных конгломератов, выделенных в описании, остается неполной: она ограничивается лишь взаимным противопоставлением этих конгломератов и не показывает место каждого из них в общей системе.

Таким образом, задача состоит в том, чтобы от описания отдельных изолированных языковых ареалов перейти к построению общей ареальной типологии, которая рассматривала бы территориальное распределение и соотношение языковых типов в качестве единой и целостной системы. Решение этой задачи создало бы лингвистическую базу для дальнейшего исследования культурных типов, их территориального соотношения и связи с определенными языковыми типами. Конечной целью такого исследования является построение общей системы лингво-культурных типов в их взаимных соотношениях⁷.

Конечно, реализация данной задачи не может быть предметом одного исследования. Цель настоящей работы – наметить некоторые параметры, которые могут послужить первыми шагами к созданию общей ареальной типологии языков, и показать возможности их дальнейшей интерпретации в рамках типологии культуры.

1.1. Одним из параметров, существенных для ареальной типологии, является способ оформления в языке отношений между предикатом и его актантами (подлежащим и дополнением). Поскольку предикат (Р) и его актанты (А) образуют синтаксическое ядро высказывания, то данный признак показывает, какой основной принцип построения высказываний доминирует в том или ином языке.

В принципе Р господствует над А. Формально это проявляется в том, что и количество А, и их грамматическая форма (падеж) зависят от валентности Р: Р управляет А. Однако А отличаются от других зависящих от Р членов (обстоятельств) своей обязательностью: они необходимы для реализации значения Р, и поэтому при каждом Р обязательна постановка (или по крайней мере подразумевание) всех А, входящих в валентность данного Р. Этот особый (несвободный, обязательный) характер связи А и Р может быть подчеркнут согласованием между ними. Согласование показывает взаимную соотнесенность А и Р и тем самым частично затуше-

выводит зависимость А от Р. В структуре словосочетания согласование выполняет ту же функцию, какую в структуре слова имеет морфемная фузия: при согласовании два слова сплавляются в тесное единство, репродуцируя одну и ту же грамматическую форму; эта общая форма становится той точкой, в которой как бы происходит сращение элементов словосочетания. С другой стороны, в конструкции с отношением управления или со свободным примыканием подчеркивается раздельность элементов и их иерархическое различие: отчетливо выявлена доминация главного элемента над управляемым или примыкающим. Поэтому согласование и управление можно назвать, соответственно, синтаксической фузией (СФ) и синтаксической агглютинацией (СА).

Во всех языках, имеющих морфологические формы, в той или иной степени представлено как согласование, так и управление; различие состоит в той пропорции, в которой даны в языке эти элементы. Согласование по числу и лицу между сказуемым и подлежащим, выраженным личным местоимением, представлено в подавляющем большинстве языков. Дополнительные осложнения, сверх этого конструктивного минимума, и в частности, вовлечение в механизм согласования полнозначных именных слов (прилагательных и существительных), составляет уже значимое проявление принципа СФ и вытекающей из него цельности и слитности синтаксической конструкции. Различные языковые ареалы обнаруживают отчетливые градации в выявлении этого принципа.

Областью интенсивного развития согласования является Центр. и Сев. Африка, Европа, Ближний Восток, Кавказ. Наиболее сложные правила согласования представлены в языках банту, где существительные распределены по ряду классов, каждый из которых имеет специальный префиксальный формант, присоединяемый к именной основе. Всего имеется 18 именных классов (по К. Майнхофу⁸), хотя в ряде языков банту некоторые классы перестали различаться; правда, в это число входят раздельно показатели ед. и мн. ч. (поскольку мн. ч. часто лексикализировано и осложнено собирательным значением). Если даже объединить показатели ед.–мн. ч. одних и тех же слов в один разряд, а также исключить 3 локативных класса (показатели которых могут быть присоединены к любому существительному, независимо от его основной классной принадлежности), то в различных языках банту оказывается 8–9 разрядов существительных⁹, каждый из которых требует постановки соответствующего префиксального форманта у предиката. При этом согласование предиката по классу происходит не только с субъектом, но и с объектом. Кроме того, классное согласование имеет место также в атрибутивной синтагме – сочетании прилагательного с существительным.

В семит., хамит. и нилотских языках существительные подразделяются уже только на два согласовательных класса – слова мужского и женского рода. Как и в банту, Р согласуется в роде и с субъектом, и с объектом. Еще одним примером синтаксической фузии в семито-хамитских языках, помимо отношений Р и А, является *status constructus* – особая форма, получаемая существительным в том случае, когда при нем имеется определение (выраженное другим существительным в притяжательном падеже). В атрибутивной синтагме не только определяющее слово согласуется с определяемым, но и определяемое слово получает специальный формант, указывающий на его связь с атрибутом. Таким образом, для языков Сев. Африки можно констатировать достаточно высокий уровень СФ в предикативной синтагме (но все же не достигающий такой степени сложности, как в банту), а также весьма развитую фузию в атрибутивной синтагме.

Большинство кавказских языков (за исключением картвельских и лезгинского) также имеют систему согласовательных классов имен, число которых колеблется от 2 до 6: так, адыгейско-абхазские языки различают два класса имен (личные и неличные имена); дагестанские языки выделяют 2 класса (табасаранский), 3 класса (аварский, даргинский), 4 класса (лакский, цезский), а в нахских языках (чеченском и ингушском) число классов доходит до 6. Однако Р согласуется только с субъектом (получает префиксальный формант, соответствующий классному показателю субъекта); отношения Р с объектом строятся уже по принципу СА, т. е. в целом механизм согласования здесь упрощен по сравнению с банту и семито-хамитскими языками.

В и.-е. языках действует система двух или трех согласовательных классов имен (родов). Р согласуется только с субъектом, при этом согласование Р и S по роду происходит не во всех предикативных формах: оно всегда отсутствует в презенсе и обычно имеет место только в сложных формах Р, использующих причастие (или исторически восходящих к причастию, как в славянских языках). В атрибутивной синтагме и в и.-е., и в кавказ. языках фузия имеет только односторонний характер, а не двусторонний, как это имело место в семито-хамитских языках.

На восточной окраине и.-е. языковой области, в современных индийских языках происходит утрата категории рода. Последняя сохраняется только у западных индийских языков; в языках восточной части данного ареала (бенгальском, ассамском, ория) род отсутствует. В дравидийских языках, расположенных в том же ареале, род сохраняется, однако согласование имеет место только между подлежащим и сказуемым и отсутствует в атрибутивной синтагме.

Итак, принцип СФ постепенно ослабевает по мере продвижения на север и северо-восток. Дальнейшее движение в том же направлении приводит к большому массиву языков, в которых принцип согласования сведен до минимума, поскольку отсутствует деление имен на согласовательные классы. Таковы все ф.-у., с а м о д и й с к и е, т ю р к. языки, в которых в предикативной синтагме согласование между S и P происходит только по числу; согласование P с объектом обычно отсутствует. В атрибутивной синтагме согласование прилагательного и существительного даже только по числу имеет место в основном лишь в п р и б а л т и й с к о - ф и н с к и х языках, т. е. в самой западной части названного языкового массива; в остальных ф.-у. языках согласование прилагательного с существительным по числу отсутствует.

Следующий шаг в ослаблении принципа СФ наблюдается еще далее к востоку – в монгольских и тунгусо-манчжурских языках: у имен не только отсутствует род (или какие-либо иные согласовательные классы), но и мн. ч. выражается нерегулярно. Специальная форма мн. ч. имеется обычно только у имен, обозначающих живые существа, и притом применяется лишь в тех случаях, когда необходимо специально подчеркнуть множественность¹⁰. В большинстве же случаев употребляется нулевая (без аффикса числа) о б щ а я ф о р м а, недифференцированно обозначающая единственное или не определяемое специально число. Поэтому в большинстве случаев в сочетании S и P отсутствует согласование по числу: форма ед. ч. предиката сочетается с нулевой формой имени.

Как уже говорилось, ослабление СФ ведет соответственно к все большему подчеркиванию доминанции P над актантами. Возрастание доминирующей роли P проявляется в увеличении числа инфинитивных, причастных, деепричастных конструкций в составе предложения. Эта тенденция заметна уже в ф.-у. языках, где число разновидностей причастий и инфинитивов значительно возрастает по сравнению с и.-е. или семит. языками. Еще дальше процесс заходит в монгольских и тунгусо-манчжурских языках, где число различных разновидностей причастий доходит до 15¹¹. Возрастание периферии предложения, возможно, связано с более четким утверждением структурной вершины (предиката), а также с тем, что A теряют свою исключительную роль, какую им сообщало согласование, и становятся в один ряд с другими распространителями P.

Принцип доминанции P, возрастая по мере продвижения на северо-восток, достигает кульминации на крайней северо-восточной оконечности Евразийского материка – в п а л е о а з и а т с к и х языках (чукотском, корякском, алеутском), проявляясь в такой известной особенности этих языков, как инкорпорирование имен (актантов) внутрь предиката. P разраста-

ется, втягивая в свою структуру, как бы в виде аффиксов, зависимые имена, и становится единым словом-предложением; актанты утрачивают не только влияние на Р (согласование), но и самостоятельную синтаксическую позицию в предложении¹².

Инкорпорация в большей или меньшей степени характеризует также подавляющее большинство а м е р и к а н с к и х (и н д е й с к и х) языков. Другим важным общим признаком этих языков является отсутствие согласовательных классов имен¹³. С типологической точки зрения весь Американский континент представляет собой как бы гигантское продолжение палеоазиатской языковой области. Такой типологический статус индейских языков хорошо согласуется с тем фактом, что заселение Америки, по видимому, осуществлялось главным образом через Берингов пролив, с постепенным распространением на юг¹⁴.

Преобладание СФ приводит к тому, что синтаксическая конструкция оказывается не равна простой сумме составляющих ее элементов: чтобы построить правильную конструкцию, недостаточно только выстроить элементы в определенном порядке, но необходимо также произвести специальные операции согласования между элементами. Напротив, при преобладании принципа СА элементы в составе конструкции сохраняют относительную самостоятельность: каждый номинативный элемент (слово) не требует специальных грамматических изменений, чтобы быть включенным в состав конструкции; соответственно, в значительной мере ослабевает то принципиально новое качество синтаксической конструкции, которое оказывалось подчеркнуто при развитой технике согласований.

Два основных способа сцепления слов в составе фразы – синтаксическая агглютинация и фузия – существуют в языках параллельно с двумя основными способами сцепления морфем в составе слова – м о р ф е м н о й а г г л ю т и н а ц и е й (МА) и м о р ф е м н о й ф у з и е й (МФ). Можно отметить, что границы между областью распространения агглютинации и фузии на синтаксическом и морфемном уровнях во многом совпадают. Только языки банту, при господстве СФ, по своей морфемной структуре принадлежат к агглютинативному типу. Основная область СФ – это в то же время область МФ (семит., хамит., нилотские, и.-е. языки). В кавказ. и ф.-у. (особенно прибалтийско-финских) языках, занимающих пограничное положение между основной фузионной и агглютинативной областью, наблюдается, при общем преобладании МА, немало фузионных явлений (чередований на стыках морфем); в то же время алтайские языки (более восточная область) демонстрируют принцип МА в наиболее чистом виде. В языках инкорпорирующего строя (палеоазиатских и индейских) также преобладающим типом соединения морфем является агглютинация, хотя встречается

и ряд языков с развитой фузией¹⁵. Таким образом, МФ ослабевает, и соответственно МА усиливается, в направлении к северо-востоку, так же, как и СФ. Частичное несоответствие наблюдается лишь в маргинальных областях (банту, с одной стороны, некоторые индейские языки, с другой); это связано, по-видимому, с общей спецификой маргинальных зон, о которой будет сказано ниже.

Совпадение у большинства языков типа синтаксической и морфемной структуры не случайно. Чередования на стыке морфем, инфиксы и т. п. явления МФ приводят к тому, что облик слова особенно сильно изменяется в зависимости от того или иного грамматического оформления, т. е., в конечном счете, в зависимости от вхождения слова в состав той или иной синтаксической конструкции: если при агглютинации изменяется только набор аффиксов, прибавляемых к основе, то при фузии изменяется и сама основа. Таким образом, различие в бытии слова как номинативной («словарной») единицы и как элемента в составе синтаксической конструкции сильнее подчеркивается при МФ. Следовательно, МФ и СФ, помимо их типологического параллелизма, выполняют в конечном счете сходную функцию: они выявляют особое качество синтаксического целого, несводимость синтаксической конструкции к простой сумме составляющих ее элементов.

Важно заметить, что при общем функциональном сходстве СФ и МФ, последняя обнаруживает менее четкое территориальное распределение – в маргинальных зонах противопоставление фузии и агглютинации на морфемном уровне оказывается частично размытым. Именно поэтому ориентация типологии только на морфемные процессы не позволяет выделить значимые противопоставления языковых ареалов. Установление параллелизма между синтаксическими и морфемными процессами является с этой точки зрения существенным шагом, т. к. дает возможность ввести данные признаки в рамки ареальной типологии.

1.2. Еще одним признаком, подчеркивающим противопоставление между выделенными выше языковыми ареалами, является р а с п о л о ж е н и е а ф ф и к с о в о т н о с и т е л ь н о к о р н е в о й м о р ф е м ы. В фузионной языковой области широко распространены префиксы и инфиксы. В большей части агглютинативной области (у всех уральских и алтайских языков) префиксы в основном отсутствуют, и преобладающим типом некорневой морфемы является постфикс. Переход от развитой системы префиксов и инфиксов к преобладанию, а затем и исключительному утверждению постфиксов наблюдается по мере постепенного продвижения к северо-востоку, т. е. в том же направлении, в котором идет переход от преобладания синтаксической и морфемной фузии к утверждению принципа агглю-

тинации. Так, в банту префиксация широко употребляется в качестве грамматического способа, и, что особенно важно, именно префиксы оформляют классы имен и согласование Р и А (т. е. обслуживают СФ). В семит. языках основным типом грамматической морфемы является инфикс, в хамит. и нилотских языках также имеется развитая система инфиксов и префиксов. Во всех этих языках в качестве служебного слова выступает предлог (т. е. препозитивное слово). В и.-е. языках преобладающим аффиксальным типом является уже постфикс; грамматическая информация почти исключительно передается с помощью постфиксов, в лишь в небольшом числе случаев – с помощью инфиксов и префиксов. Однако в качестве деривационной морфемы префикс используется весьма широко, и, кроме того, в абсолютном большинстве языков в качестве служебных слов используются предлоги. Далее, в кавказ. языках еще широко используются префиксы, однако преобладающим типом служебного слова становится послелог.

В ф.-у. языках префиксы и инфиксы почти полностью отсутствуют, но предлоги еще частично сохраняются, хотя преобладающим типом становится постпозитивное служебное слово (послелог). На восточной окраине и.-е. языковой области современные индийские языки, а также дравидийские языки уже не имеют ни префиксов, ни предлогов. Аналогично, алтайские языки характеризуются исключительным доминированием постфиксов и послелогов. Грамматическая информация, препозитивная по отношению к номинативной части (корню), здесь полностью исключается.

Таким образом, по мере продвижения к северо-востоку грамматическая, а также деривационная информация все в большей степени сосредоточивается в конце слова, после номинативной части. Такой тип линейного расположения языковой информации, так же как отсутствие морфемной и синтаксической фузии, подчеркивает относительную независимость, дискретность и самодостаточность номинативной части слова. Действительно, постановка грамматической морфемы перед номинативной частью означает, что вещественная информация, вводимая номинативной частью, мыслится на фоне уже введенных перед ней грамматических определителей. Так, в банту или кавказских языках классная принадлежность существительного выражена префиксом; наименование предмета, содержащееся в корне, всегда следует за информацией о классе, и поэтому не дает идею этого предмета в чистом виде, а обязательно проецирует ее на данную в языке классификацию имен по разрядам. Аналогичный эффект имеет и инфикс: он разрывает единство номинативной части, и поэтому употребление последней оказывается неотделимо от инкорпорированной внутрь нее грамматической информации. С другой стороны, при постановке грамматической информации после вещественной номинативная часть слова

осмысливается более самостоятельно по отношению к грамматической части: сначала вводится вещественная информация в чистом виде, и лишь после этого к ней добавляется, как бы наслаивается на нее, деривационная и грамматическая информация. Построение типа N- оказывается более благоприятным для утверждения в языковом мышлении самостоятельного, «словарного» статуса номинативной единицы, чем построения типа -N или N... N. Несамостоятельность и недискретность вещественной части слова, характерная вообще для языков с преобладанием второго типа, получает предельное выражение в семит. языках, где корень состоит только из согласных, т. е. даже чисто фонетически не может быть употреблен отдельно, без огласовки, несущей деривационную и грамматическую информацию. В противоположность этому, в тунгусо-манчжурских языках, например, нулевая форма слова (чистый корень) является как раз наиболее обычной и употребительной для имени в позиции подлежащего, а также для глагола в императиве, и таким образом слово в виде чистого корня довольно часто встречается в речи.

Выше мы видели, что признак агглютинации – фузии обнаруживал значительный параллелизм на синтаксическом и морфемном уровнях в реализации по языковым ареалам. Такой же параллелизм для разных уровней существует и в реализации признака линейного расположения информации. Если на уровне слов значимым было место грамматико-деривационного оформителя слова – аффикса – по отношению к номинативной части, то на синтаксическом уровне аналогичным признаком является позиция грамматического оформителя предложения – предиката – в синтаксической структуре. В языках с преобладающей постфиксацией, т. е. в восточном языковом массиве, доминирует синтаксическая структура, при которой Р располагается в конце предложения – после субъекта дополнений и обстоятельств. Именно такой строй предложения господствует во всех алтайских (т. е. тюрк., монгольских, тунгусо-манчжурских), а также в дравидийских языках. В кавказ. и ф.-у. языках, занимающих пограничное положение и по ряду других признаков, Р также тяготеет к концу предложения, однако эта тенденция уже не выражена с такой определенностью и дает немало отклонений. Наконец, еще дальше к западу и юго-западу, в языках со значительно развитой префиксацией и инфиксацией, соответственно наблюдается тенденция к помещению Р в начале или середине фразы. Так, в абсолютном большинстве и.-е. языков Р (или по крайней мере одна из его частей, как в нем.) располагается между S и O. Словорасположение S–P–O характерно и для банту. В х а у с а (хамит. яз.) основным (нейтральным) порядком слов также является помещение Р между S и зависимой от Р (объектной и обстоятельственной) груп-

пой¹⁶. Наконец, в семит. и нилотских языках глагольный Р располагается в начале предложения – перед S и O.

Все то, что было ранее сказано о значении определенного порядка следования номинационной и формативной части в структуре слова, относится и к организации предложения. В языках, где предикат – основной оформитель предложения, определяющий своей валентностью структуру синтаксического ядра, – помещен в начале или середине высказывания, синтаксическая структура вырисовывается в определяющих чертах раньше, чем введена вся вещественная информация; последняя выступает на фоне сформировавшегося синтаксического остова и поэтому четко структурируется непосредственно по мере введения ее в речь. В предложении с финальным расположением структурного центра оформление высказывания оттягивается, его структурные контуры до самого конца остаются не вполне определенными, и вводимая вещественная информация не подвергается первоначально такому жесткому структурированию, развертываясь в значительной степени по принципу «нанизывания» смежных звеньев.

1.3. Таким образом, выделены две пары признаков, обнаруживающих четкий параллелизм на лексемном и синтаксическом уровнях, т. е. в отношении принципов структурной организации слова и предложения:

морфемная агглютинация	————	финальное vs. не финальное
vs. морфемная фузия		расположение лексемных
		оформителей (аффиксов)
синтаксич. агглютинация	————	финальное vs. не финальное
vs. синтаксич. фузия		расположение синтаксич.
		оформителя (предиката)

В распределении этих признаков по ареалам также наблюдаются очень значительные совпадения. Эти совпадения не случайны и соответствует функциональной близости выделенных параметров. В совокупности данный набор признаков конституирует противопоставление двух основных языковых типов, которые можно назвать **п р е д и к а т и в н ы м** и **н о м и н а ц и о н н ы м** т и п а м и. Для предикативного типа характерен значительный разрыв между инвентарем языковых элементов, с одной стороны, и реализацией этого инвентаря в связном сообщении, с другой. Набор языковых единиц, в которых осуществляется номинация различных элементов действительности, сам по себе, вне реализации в связной речи, существует только в виде абстракции, резко отличающейся от той реальной формы, которую эти единицы принимают в речи. Обилие морфемных

вариантов (следствие МФ) нарушает единство материального облика морфемы и не дает возможности представить морфему абстрактно, вне определенной позиции в речи; обилие препозитивной и инкорпорированной внутри корня грамматической информации не дает возможности представить содержание номинативной морфемы вне связи этого содержания с грамматической информацией; наконец, относительно большая сложность построения связной речи (наличие синтаксической фузии), сосредоточивая внимание на структуре синтаксического целого, еще более подрывает самостоятельный статус элементов в составе этого целого. Языковое сознание направлено на предикативные единицы (сочетания предиката и актантов), как на целостные образования. Ни материальная форма, ни содержание отдельных номинативных элементов непредставимы вне связи с грамматической информацией, а следовательно, вне потенциального включения в предикативное единство. Номинативные единицы представляют собой не столько «кирпичи» или «блоки», из которых складывается целое сообщение, сколько «сырой материал», принимающий определенную форму только в результате обработки в составе синтаксического единства.

С другой стороны, номинативный тип языка не знает такого резкого разрыва между состоянием отдельной единицы в составе словаря и в составе предикативного единства. Отсутствие чередований (морфемной фузии) приводит к тому, что материальный облик морфемы сохраняет единство во всех случаях употребления; сосредоточение грамматической информации в постпозиции приводит к тому, что и план содержания номинативной единицы оказывается независимым от ее синтаксической функции; наконец, отсутствие СФ делает предикативное единство легко распадающимся на отдельные составляющие его элементы. Поэтому языковое сознание направлено в большей мере на «словарь», чем на «грамматику»; отдельные номинативные единицы мыслятся как вполне сложившиеся, самостоятельные и дискретные блоки, а цельное сообщение представляется в основном вторичным результатом складывания («нанизывания») этих блоков.

Особенности номинативных языков еще более подчеркиваются таким явлением, как сингармонизм в составе слова. Действительно, гармония гласных широко распространена именно в номинативной языковой области – в уральских и алтайских языках. В языках предикативного типа сингармонизм отсутствует. Характерно, что и некоторые западные ф.-у. языки (эстонский) утратили данное явление. Благоприятной почвой для развития сингармонизма является отсутствие аблаута – морфологически значимых чередований гласных, т. е., в конечном счете, отсутствие МФ; этим и объясняются, по-видимому, границы распространения данного яв-

ления¹⁷. В то же время сингармонизм подчеркивает цельность номинативной единицы и ее дискретность, относительную обособленность и самостоятельность в речевой цепи.

Конечно, различие между двумя типами языкового мышления ни в коем случае не является абсолютным, так же как и описанные выше формальные различия между языковыми типами. Относительность любых типологических противопоставлений между языками неоднократно подчеркивалась в лингвистической литературе¹⁸. Как в отношении формальных свойств языка, так и в отношении того, каким образом эти свойства откладываются в языковом сознании говорящих, речь может идти лишь о тенденциях, о различии акцентов. Постепенный переход от одного языкового типа к другому представляет собой перемещение центра тяжести, т. е. области наибольшей концентрации языковых средств (и, соответственно с этим, внимания говорящих), с одного участка языковой структуры на другой. Эпицентром предикативного типа можно, по-видимому, считать семит. языки (согласование Р как с субъектом, так и с объектом, наиболее ярко выраженная несамостоятельность корневой морфемы, тенденция к помещению Р в начале предложения), а эпицентром номинационного типа – монгольские и тунгусо-манчжурские языки (полное отсутствие СФ и МФ, наиболее сильно выраженная тенденция к финальному расположению аффиксов, служебных слов, предиката, частая постановка слов в нулевой форме). Между этими эпицентрами и на периферии всей системы лежат области значительного (хотя и не столь резкого, как в эпицентре) преобладания одного из основных типов: предикативного для банту, хамит., нилотских, кавказских, и.-е. языков, номинационного для ф.-у., тюркских, самодийских. Пограничными явлениями между двумя основными типами можно считать западную часть ф.-у. языков (прибалтийско-финские, венгерский языки), с одной стороны, и восточную зону и.-е. языков (индийские) и дравидийские, отчасти также кавказские языки, с другой стороны.

Особое положение занимают языки инкорпорирующего строя – палеоазиатские и индейские. По признаку агглютинации эти языки принадлежат к номинационному типу. Более того, выше было показано, что инкорпорация представляет собой наиболее радикальную, максимальную форму СА. Соответственно, в этих языках номинационный принцип получает дальнейшее развитие. Если во всех номинационных языках у предложения не очень отчетливо выявлено особое качество, отличающее его от единиц номинации, то в инкорпорирующих языках граница между статусом слова, как единицы номинации, и предложением, как единицей сообщения, вообще оказывается стертой. С одной стороны, предложение теряет еще один специфический признак по отношению к слову, который сохра-

нялся у него во всех неинкорпорирующих языках, – отдельную оформленность составляющих его элементов; предложение приобретает цельно-оформленность, т. е. становится как бы гигантским словом. С другой стороны, максимальное развитие агглютинации приводит к тому, что и слово разрастается, с большой легкостью присоединяя к себе разнообразный набор аффиксальных морфем, и в результате одна номинативная единица может содержать такую комплексную номинацию, которая в других языках должна была бы найти свое выражение в целом предложении. Напр., в языке вайот (одном из алгонкинских языков) имеются такие существительные, как *kokwił* ‘старик’ (букв. ‘он старый’), *biwił* ‘пища’ (букв. ‘он ест это’), *łbatkáníh* ‘пуговица’ (букв. ‘он проталкивает это рукой в качестве круглого предмета’), *piaworagichadánił* ‘сигарета’ (букв. ‘он крутит это во все стороны рукой в качестве маленького вытянутого предмета’) и т. д. Аналогичный способ номинации распространен и в палеоазиатских языках. В результате оказывается трудно определить, является ли некоторый морфемный комплекс только одной номинацией или несет целое сообщение; это различие может зависеть от ситуации, в которой используется комплекс, от намерений говорящего, но оно не выражено в формах языка¹⁹.

Инкорпорирующие языки можно назвать **гиперноминационными**, поскольку они доводят до предельного выражения номинативный принцип. Однако гиперноминационный тип, приводя к развитию многоморфемных комплексов, и тем самым – комплексной номинации, неожиданно обнаруживает в этом частичное совпадение с наиболее радикальными языками предикативного типа: предельное противопоставление оборачивается сходством. Действительно, в языках предикативного типа информация, вводимая одной номинативной единицей, также имеет по большей части комплексный характер, хотя и по совершенно другой (противоположной) причине, а именно в силу того, что номинативная информация не способна к самостоятельному существованию и обязательно комбинируется с деривационной и реляционной информацией²⁰. Максимальное подчеркивание в эпицентре предикативных языков принципа слитности конструкции, диффузии отдельных элементов, и доведение в гиперноминационных языках до предела принципа свободного нанизывания элементов приводят к результатам, частично сходным на поверхности. Этим объясняется тот факт, что языки банту и семито-хамитские, с одной стороны, палеоазиатские и индейские, с другой, имеют некоторые общие признаки. Так, в гиперноминационных языках, в отличие от номинативных, вновь появляются препозитивные деривационные и реляционные морфемы: поскольку слова в составе предложения частично теряют отдельную оформленность, то место грамматической информации в едином слове-предложении стано-

вится несущественным для статуса отдельных номинационных единиц в составе этого комплекса. Ср. также развитие на обоих полюсах самостоятельных личных местоимений, присоединяемых к предикату в виде аффиксов. Наконец, в палеоазиатских и некоторых индейских языках вновь появляется разбиение имен на классы, отсутствующее в номинационной области (см. выше); по-видимому, классификация имен представляет собой явление, связанное с комплексной номинацией.

1.4. Таким образом, громадная область – бóльшая часть Африки, почти вся Евразия (за исключением юго-восточной оконечности) и Америка представляют собой единую систему, в рамках которой закономерно концентрируются, распространяются и переходят друг в друга определенные типологические языковые признаки.

На периферии этой области, окружая ее со всех сторон, располагаются маргинальные зоны, общим признаком которых является тенденция языков к аналитизму, т. е. упрощению морфологических форм и соответственному возрастанию роли синтаксического порядка в построении фразы. На юге такую маргинальную зону образуют бушменские языки, по своему строю приближающиеся к корнеизолирующему типу: большинство слов в этих языках односложны, отсутствуют формы времени, наклонения, вида у глаголов, формы рода, а в большинстве случаев и числа у существительных. Весьма далеко продвинутый аналитизм демонстрирует также африканс – представитель и.-е. семьи в Южной Африке. На юго-западе маргинальную зону образуют корнеизолирующие языки семьи манде (Зап. Африка). С северо-запада в качестве маргинальной группы примыкают северноевропейские языки (английский и скандинавские) с ясно выраженной тенденцией к аналитизму: почти полное отсутствие падежей, а в английском и рода у имен, редукция спряжения у глаголов, преобладание аналитических форм времени. Самая мощная маргинальная зона сложилась на юго-востоке основной языковой области; для этого есть определенные причины, которые будут рассмотрены ниже. Ее образуют такие корнеизолирующие или приближающиеся к корнеизолирующему строю языки, как китайский, языки Индокитая, малайско-полинезийские языки. В изолирующих языках нейтрализуется противопоставление между агглютинацией и фузией, конститутивное для основной языковой области: отсутствует СФ (нет согласования), но отсутствует и СА, т. к. формально не выражена иерархия элементов предложения. Аналогично, ввиду почти полного отсутствия аффиксации, отсутствует как МФ, так и МА. В результате стирается различие между предикативным и номинационным типом языка, базировавшееся на этих признаках. С одной стороны, в корнеизолирующем языке достаточно

ясно выражен принцип автономности номинативных единиц, поскольку они почти всегда выступают в речи в чистом виде, без фузии с грамматическими морфемами. Но с другой стороны, и подчеркивание предикативной структуры также имеет место, т. к. отсутствие форм предъявляет повышенные требования к жесткости и четкости синтаксической конструкции.

Нейтрализация и редукция основных закономерностей является естественным свойством маргинальных явлений, и таким образом особенности корнеизолирующих языков хорошо согласуются с тем, какие районы эти языки занимают относительно выделенного ранее основного языкового массива.

То, что редукция форм является закономерным свойством периферийных ареалов, косвенно подтверждается также тенденцией к возрастанию форм по мере приближения к центру основной языковой области, которая особенно отчетливо прослеживается в отношении количества падежей. Так, языки банту не имеют падежей. Хамит. и нилотские языки различают две падежные формы – субъектную и объектную. В семит. языках статус данной категории колеблется от полного отсутствия падежей (в сирийском) до двухпадежной (эфиопский) и трехпадежной системы (классический арабский). Далее по мере продвижения к северо-востоку число падежей начинает возрастать. Различные и.-е. языки дают систему из 4–8 падежей (за исключением языков, расположенных на крайнем западе и северо-западе, для которых вступает в силу закономерность периферийного ареала). Далее следует центральная область всей системы, образуемая кавказ. и ф.-у. языками; именно здесь количество падежей кульминирует. В дагестанских языках число падежей колеблется в пределах 20–49; к четырем основным падежам (Ном., Ген., Дат., Эрг.) присоединяются обширные серии локативных падежей: в аварском языке таких падежей 15, цезском – 28, лакском – 45, табасаранском – 42 и т. д. В ф.-у. языках число падежей также велико и во многих языках достигает 14–17 (прибалтийско-финские, пермские языки), а в венгерском доходит до 22, в основном также за счет обширных серий локативных падежей. Далее на север и восток, по мере удаления от центра, количество падежей снова начинает убывать: в тюрк. языках 6 падежей, в алтайских языках 8–12 падежей, в самодийских 6–8, палеоазиатских – 8–13 падежей. Примечательно, что в языках ханты-мансийской группы – самой восточной группы ф.-у. семьи – насчитывается всего 3 падежа, т. е. намного меньше, чем у остальных языков этой семьи. Наконец, большинство индейских языков не имеют падежей или имеют их в небольшом количестве. Так, нет падежей у алгонкинских и атапаскских языков (самых больших семей Сев. Америки), два падежа различаются в языке тарасков (Центр. Америка), нет падежей в арауканских языках (тер-

ритория Перу и Чили). Отдельные исключения (такие, как небольшая семья пенути на северо-западе США – до 10 падежей) выглядят изолированными островками и не колеблют общей закономерности, которая прослеживается на громадной территории и на большом числе языков; аналогично, например, и на Кавказе встречаются языки с относительно слабо развитой падежной системой (адыгейский, кабардинский – 5 падежей), или даже совсем утратившие падежи (абхазский язык, различающий, правда, особые формы для номинативной и эргативной конструкции), что также не колеблет общего принципа²¹.

2. Описанные языковые типы не случайно обнаруживают четкие закономерности в территориальном распределении: их особенности косвенно отражаются во многих чертах культуры соответствующих ареалов. Укажем только на некоторые наиболее важные факторы, связывающие тип языка с более широкими семиотическими процессами.

Поскольку языки предикативного типа ориентированы на предикативную структуру (сочетание предиката и актанта), как на основную единицу, языковое мышление в этих языках оказывается направленным на то, чтобы максимально использовать эту структуру при осмыслении и передаче информации. Конструкция «подлежащее – сказуемое – дополнение» представляет собой жесткую рамку, к которой языковое мышление предикативного типа стремится привести всякое соединение «данного» и «нового», образующее элементарное сообщение. Атрибутивные и обстоятельственные распространения этого основного структурного каркаса, конечно, имеют место, однако они развиты относительно слабо, показателем чего служит, в частности, относительно слабое развитие причастий, деепричастий и инфинитивов – наиболее эффективных распространителей – в языках предикативного типа. В связи с тем что элементарные сообщения постоянно структурируются в виде предикативной конструкции, речь в языках предикативного типа представляет собой последовательность большого числа относительно простых и однородных по строению предикативных единиц. Вследствие этого весьма часто возникает потребность в объединении этих единиц для создания более сложного комплексного сообщения. Поэтому в предикативных языках обычно большое развитие получает сложное предложение, как особым образом оформленное соединение предикативных единиц, и вообще различные приемы связи между элементарными предложениями в тексте.

В языках номинационного типа предикативная структура не является таким важным организующим фактором. Отдельные номинативные единицы свободно присоединяются друг к другу, вырастая в образования чрезвычайно большой протяженности. Распространение предикатив-

ной структуры выдвигается здесь на первый план и сосредоточивает на себе больше внимания и усилий говорящих, чем структурирование предикативного остова. Широкое развитие инфинитивов, причастий и деепричастий хорошо соответствует этой тенденции. Языковая техника хорошо приспособлена к тому, чтобы нанизывать в составе одного предложения все новые и новые смысловые комплексы, инкорпорируя их при помощи «второстепенных сказуемых» – инфинитивных и причастных оборотов. В результате в речи номинационного типа оказывается меньше отдельных предикативных единиц (предложений), но каждая такая единица вмещает весьма сложное сообщение, благодаря развитию распространений. Соответственно, не возникает потребность в сложном предложении как в особой конструкции, оформляющей связь элементарных сообщений, структурированных в предикативных единицах; в уральских и алтайских языках сложное предложение либо практически отсутствует (в монгольских и тунгусо-манчжурских), либо является поздним приобретением.

Описанное различие между предикативными и номинационными языками в структурировании связной речи имеет два важных следствия культурологического характера. Во-первых, организация речи при помощи относительно простых и изоморфных по структуре блоков (предикативных единиц) в большей степени способствует тому, чтобы говорящие обращали внимание на регулярную повторяемость и выводили из нее закономерности построения данных блоков; предикативный тип организации речи благоприятствует развитию метаязыковой рефлексии и установке на самописание. В то же время рыхлые по структуре, бесконечно растекающиеся предложения номинационного языка делают более трудным для говорящего установление структурных закономерностей. Таким образом, языки предикативного типа в большей степени стимулируют создание грамматик.

Во-вторых, относительная элементарность информации, которая укладывается в рамки одной предикативной структуры, и связанная с этим необходимость разработать формальные приемы для соединения предикативных структур способствуют возникновению идеи связного текста: предикативный язык стимулирует создание риторики.

Эти особенности предикативных языков благоприятствуют появлению письменности. Осознание текста как целостного образования, имеющего определенную структуру, вызывает потребность в эксплицировании процедуры передачи и инвентаризации текстов, бытующих в рамках данной культуры, – потребность, наиболее эффективным образом удовлетворяемую при помощи письменности. Развитие метаязыковой рефлексии делает возможным проецирование выделенных структурных закономерностей

стей речи на систему графических обозначений; специально для языков с развитой МФ к этому следует добавить, что благодаря обилию морфемных чередований облегчается вычленение фонем и как следствие этого, создание буквенной письменности, которая в силу своей относительной простоты в наибольшей степени способствует широкому распространению письменной культуры и письменных текстов.

Предположение о том, что определенный тип языковой структуры и связанный с ним определенный тип языкового мышления имеет тенденцию благоприятствовать либо, напротив, не благоприятствовать развитию письменности, открывает широкие возможности для дальнейшей культурологической интерпретации описанных типологических различий. Область предикативных языков – это в основном область наиболее древних и широко развитых письменных традиций, причем достаточно рано здесь складывается слоговая и буквенная системы письма, обусловившие самое широкое распространение письменной культуры. В то же время область номинационных языков менее благоприятна для создания письменности, и это обстоятельство в полной мере проявилось в культурной истории данного ареала: только тюркские и древнемонгольский языки имеют достаточно древнюю письменную традицию, подавляющее же большинство языков этого ареала получили письменность в результате культурных контактов сравнительно недавнего времени, либо до сих пор остаются бесписьменными. Закономерным с этой точки зрения выглядит и тот факт, что древнейшая система письма в маргинальном (корнеизолирующем) языковом ареале – китайская письменность имеет идеографический характер. Корнеизолирующие языки объединяет с предикативным типом установка на четкие, постоянно воспроизводимые предикативные конструкции. Однако, в отличие от предикативных языков, отсутствуют чередования морфем, и слово, как правило, равно корню. Поэтому при благоприятных возможностях для грамматической рефлексии, являющейся одной из предпосылок письменности, здесь отсутствуют благоприятные условия для фонологической рефлексии, т. е. для проецирования в графическую систему единиц «второго членения» – слогов и фонем.

3.1. Описанные до сих пор культурно-языковые закономерности разветвляются в ареальной системе, основной ориентацией которой является направление с юго-запада на северо-восток – от Южной Африки до Чукотки (и далее Америки). От этого основного стержня, на всем протяжении которого происходит постепенный переход от предикативного к номинационному типу языка, отходят, примерно в средней его части, два крыла – одно на запад и северо-запад, другое на восток – юго-восток. Первое крыло образуют языки Зап. и Центр. Европы, второе – языки Дальнего Востока и

Ю.-В. Азии. Между этими двумя зонами можно проследить структурно-языковые противопоставления, также имеющие более широкий культурологический смысл. Эти противопоставления постепенно разворачиваются на всем протяжении намеченной оси, почти перпендикулярной по отношению к основному направлению выделенного ранее языкового массива.

Языки западной зоны отличаются хорошо разработанной системой времен у предиката, форм лица и числа у актантов. Информация об этих параметрах имеет в предложении обязательный характер: не встречается (или почти не встречается) случаев «нулевого» употребления, когда для Р остается неуказанным (нерелевантным) временной план, а для А – лицо или число. Другой особенностью этих параметров в западных языках является их абстрактный характер: они выражены с предельной четкостью, не смешиваясь с другой информацией. Так, абстрактная идея временных планов (настоящего, близкого и далекого прошедшего, предпрошедшего, будущего и т. д.) отделена от более конкретных сведений о протекании и характере развития процессов – о длительности, интенсивности, одно- vs. многократности, фазе и т. д. Идея числа отделена от конкретных сведений количественного характера – о размере предмета, о собирательности vs. расчлененности и т. д. Категория лица дает систему пространственной ориентации действующих лиц с точки зрения их отношения к акту речи (говорящий – адресат – неучастник коммуникации), не смешиваясь с более конкретными сведениями о характере этих лиц, их взаимоотношении и взаимной оценке.

В наибольшей степени описанными качествами обладают языки Зап. Европы – германские и романские. Уже в языках восточной части Европы – славянских, балтийских, греческом, финно-угорских, кавказских – наблюдается развитие категории вида, интерферирующей с временной информацией, а также (в особенности в слав. языках) резко увеличивается число безличных, неопределенно-личных и обобщенно-личных конструкций, нарушающих стандартную систему определений лица и числа актантов. В тюрк. языках категория времени не только интерферирует с видом, но и теряет свою обязательность, в связи с возможностью постановки имени (в особой сказуемой форме) в роли предиката без участия *verbum finitum*. Следующий шаг делается в монгольских и тунгусо-манчжурских языках, где уже не только время, но и число оказывается необязательной категорией: имя может быть употреблено в исходной (нулевой) форме в значении как единственного, так и множественного числа.

В кит., яп., корейском, языках Индокитая число также выражается только факультативно. Редуцируется также и система различий по лицу, одна и та же форма может употребляться для обозначения различных лиц,

в зависимости от ситуации. При этом информация о лице и числе интерферирует с многообразными сведениями более конкретного характера о соответствующем предмете. Так, в языках Ю.-В. Азии имеется обширный набор личных местоимений, каждое из которых соответствует определенной социальной группе, определенной оценке со стороны говорящего и т. д. Напр., в лаосском языке имеется следующий набор для обозначения 2 лица:

т ь а у – обращение к равному или низшему по положению лицу;

т х а а н – вежливое обращение к старшим;

м ы н г – обращение к низшим, выражающее высокомерие и презрение;

т о о – синоним мынг;

а а т н ь а а – обращение к высшим чиновникам;

п х а н а т х а а н – к высокопоставленным лицам;

с а д е т – к королю и членам королевской семьи²².

Аналогично, различаются формы I лица, употребляемые только монахами, только в легендах и сказках, только в разговоре с королем, только в презрительной, вежливой, уничижительной речи и т. д. В тайском языке различаются местоимения, употребляемые только мужчиной либо только женщиной, только в разговоре между родственниками, только сельскими жителями и т. д. В то же время не различается число, т. е. идея 'ты' и 'вы', 'он' и 'они' может быть выражена одной и той же формой. В яванском языке имеется шесть особых «форм обращения», каждая из которых соответствует определенному отношению между говорящими и опирается уже не только на личные местоимения, но на сотни специфических слов, обязательных для употребления в рамках определенной формы обращения.

Кульминации описываемые явления достигают в японском языке. Здесь число различается только у одушевленных существительных, но и у них лишь факультативно, как у всех остальных языков этого ареала. Кроме того, при употреблении имени с числительным к нему прибавляется особый счетный аффикс; выбор счетного аффикса зависит от семантики имени – различаются особые аффиксы для имен, обозначающих людей, животных, птиц, рыб, книги, плоские предметы (газета, тарелка и т. д.), цилиндрические предметы (бутылка, дерево, палец), предметы с ножками, постройки, суда и др. В итоге информация о числе интерферирует с конкретными сведениями о самом предмете счета и оказывается неотделима от этих сведений. Формы лица в японском языке отсутствуют; они полностью вытеснены чрезвычайно разработанной системой форм социальной ориентации. Ориентация выражена не только в большом числе личных местоимений, различающихся конкретными свойствами обозначаемого объекта (как в языках Индокитая), но и в специальных глагольных формах адресси-

ва и гоноратива, показывающих различные ориентационные «модусы» речи. Идея лица лишь косвенно выражается через систему параметров ориентации: так, уничижительная форма чаще всего употребляется по отношению к 1 лицу, вежливая – ко 2 лицу и т. п.²³

Таким образом, сведения о временном плане события по отношению к моменту речи, пространственном расположении действующих лиц по отношению к источнику речи, т. е. говорящему, и об их числе, подробно разработанные в грамматической структуре языков западного ареала, постепенно редуцируются, смешиваются и даже полностью вытесняются сведениями о конкретном характере протекания процесса и о конкретных признаках и оценке участников процесса, по мере продвижения на юго-восток. В то же время в языках западного ареала весьма слабо развиты явления, связанные с описанием конкретных признаков событий и их участников. Так, аспектуальные различия почти полностью редуцируются в западноевропейских языках, явно отодвигаясь на второй план по сравнению с временными различиями. Категории социальной ориентации, интерферирующие с системой лица – числа, в подавляющем большинстве западных языков представлены единственной специальной вежливой формой; только в исп. и итал. языках имеется по две различных вежливых формы.

3.2. В целом структура западноевропейских языков хорошо приспособлена к абстрактному типу передачи сообщений, для которого является несущественным непосредственный контакт говорящего с адресатом сообщения. Речь строится таким образом, чтобы ее можно было понять без апелляции к конкретной, непосредственно воспринимаемой ситуации сообщения, и не ориентируется на конкретного, непосредственно данного адресата; общность опыта говорящего и адресата, общность ситуации, к которой они апеллируют, относительно несущественны, и говорящему не приходится сильно модифицировать свое сообщение в зависимости от того, к кому и при каких обстоятельствах оно направлено.

При такой ориентации сообщения в языке должны быть хорошо разработаны те параметры, которые обеспечивают точные координаты сообщаемого события относительно акта речи. Поскольку содержание события не подкрепляется конкретной ситуацией и может быть проецировано для самых различных потенциальных адресатов, то необходимо точно указать, когда это событие произошло и кто, по отношению к говорящему, является его участниками. Отсюда обязательность, четкая выделенность и хорошая формальная разработанность таких категорий, как время, лицо, число, которые и обеспечивают точное и вместе с тем абстрактное (т. е. не связанное с сущностью самого сообщаемого события) проецирование содержания сообщения на реальность, которое остается понятным любому потенци-

альному адресату. В то же время параметры, связанные с непосредственной апелляцией к конкретной ситуации и конкретному адресату, развиты слабо: редуцирована категория социальной ориентации, предполагающая обращение к определенному адресату; редуцирована аспектуальность, сосредоточивающая внимание на более конкретных деталях протекания события, знание которых отодвигается на второй план при отсутствии непосредственной апелляции к ситуации сообщения.

В противоположность этому, в языках восточного ареала основным, доминирующим типом является коммуникация, строящаяся в конкретной ситуации, в условиях непосредственного контакта между отправителем и получателем. Сообщение ориентировано на определенного слушателя, позиция которого и сведения, которыми он располагает, известны говорящему, и на определенное окружение. Данные параметры входят в качестве необходимого компонента в содержание сообщения, и смена этих параметров заставляет существенно перестраивать все сообщение. При такой ориентации несущественны механизмы, обеспечивающие точное отнесение сообщаемого содержания к действительности, поскольку проекция на действительность легко может подразумеваться в условиях непосредственного контакта с адресатом и обычно подсказывается самой ситуацией. Относится ли сообщаемое событие к настоящему времени или к прошедшему, т. е. дано или не дано непосредственно в ситуации речи, – как правило, это с очевидностью вытекает из самой ситуации. Точно так же часто подразумевается и не нуждается в уточнении информация о том, кто является участником события – сам говорящий или другие лица, одно лицо или несколько. Но зато при такой направленности сообщения чрезвычайно существенно, к кому оно обращено, что представляет из себя адресат и каково отношение к нему говорящего. Большое значение приобретают также более конкретные детали протекания процесса – фаза, длительность, интенсивность и т. д. Это различие в основном типе ориентации сообщения объясняет особенности структуры языков восточного ареала по сравнению с западноевропейскими языками. Таким образом, в западном ареале реализуется абстрактно-реляционный тип языка, в котором акт сообщения преимущественно предполагается независимым от акта восприятия, и потому сообщение обладает развитой системой пространственных и временных координат, точно определяющих его отношение к акту речи для любого потенциального воспринимающего субъекта. Восточный тип является конкретно-апелляционным: акт сообщения преимущественно предполагается тесно связанным с актом восприятия, сообщение апеллирует к ситуации, как к общему опыту говорящего и адресата; поэтому при передаче сообщения наиболее важным является не эксплицитное

отнесение его содержания к реальности, а разработанный апеллятивный механизм, позволяющий говорящему установить необходимую в данном случае связь с адресатом.

3.3. Ввиду того что апеллятивный тип языка больше ориентирован на взаимодействие говорящего и слушающего, повышенная нагрузка, по сравнению с реляционным типом, приходится на актуальное членение (АЧ) высказывания. Конечно, вычленение «данного» и «нового» в составе высказывания происходит и в языках, ориентированных на сообщение абстрактно-реляционного типа. Однако такое расчленение высказывания имеет тенденцию становиться более детальным и соответственно разрабатываться в языке с большей подробностью в том случае, когда высказывание предназначается для определенного адресата и определенной ситуации. Поэтому в структуре языков апеллятивного типа обнаруживаются более разработанные механизмы АЧ, чем у языков реляционного типа.

Грамматические средства, специально используемые в западноевропейских языках для АЧ, отличаются крайней скудостью. Пожалуй, только артикль служит регулярным формальным показателем данного и нового. Жесткий порядок слов почти не позволяет использовать данное средство для целей АЧ. По признаку цели высказывания также формально выделены лишь самые основные случаи: утверждение, вопрос и побуждение. Более детальные явления, связанные с АЧ и определением цели высказывания (эмфаза, подтверждение, опровержение, отсылка к другому источнику и т. д.), опираются на логическое ударение или на лексические средства, т.е. остаются не разработанными в грамматическом строе языка.

Уже в языках Вост. Европы вступают в действие такие важные факторы АЧ, как порядок слов и категория вида²⁴. Однако наибольшей разработанности механизм определения цели высказывания и АЧ достигает в языках восточного ареала. Так, в корейском языке особыми формами различаются, кроме повествовательных, вопросительных и побудительных, еще восклицательные и «пригласительные» (т.е. со смягченным побуждением) высказывания. Важную роль в описываемых механизмах играет здесь также особая категория сообщения: специальные формы, при помощи которых различаются простое сообщение, подтверждаемое (кем-л. другим) сообщение, простая верификация, подтверждаемая верификация, предположительное утверждение, категорическое утверждение. Формы цели высказывания и формы сообщения образуют в совокупности сложную систему (более 20 случаев), в которой с чрезвычайной подробностью параметризуется актуализация высказывания. Аналогично, в японском языке имеется ряд формантов, присоединяемых в конце предложения и маркирующих неуверенное (некатегорическое) утверждение, утверждение

со ссылкой на другой источник, различные разновидности эмфаз. Специальная частица (в а) маркирует тематическую часть высказывания – она присоединяется к той части высказывания, которая подается как известная. В связи с этим языковой тип восточного ареала можно назвать актуально-апеллятивным в противоположность абстрактно-реляционному западному типу.

Излишне говорить о том, что и в этом случае, как и в предыдущих типологических противопоставлениях, речь идет не об абсолютных различиях, а лишь о главной тенденции, о том, что более характерно для того или иного языка, на чем в большей степени сконцентрирован формальный аппарат этого языка. С учетом этой оговорки и следует понимать тезис о том, что реляционные языки больше приспособлены к абстрактному типу передачи сообщения, а апелляционные – к такому общению, которое происходит в конкретной обстановке и предназначено для конкретного адресата. Конечно, любой язык в принципе способен обеспечить самые различные виды сообщений. Различие состоит в том, какой тип сообщения разработан в грамматических формах языка и поэтому автоматически генерируется в ходе построения грамматически правильного высказывания, а какой тип может быть получен лишь в результате привлечения дополнительных и факультативных средств, т. е. в результате сознательных целенаправленных усилий говорящего. В самом общем виде можно сказать, что язык апеллятивного типа своей структурной ориентацией моделирует ситуацию разговора, в то время как язык реляционного типа моделирует ситуацию написанного текста. Различие в структурной ориентации данных языковых типов частично соответствует различию между устной и письменной речью; ср. более активное использование АЧ в устной речи, большее разнообразие целевых модусов высказывания, достигаемое за счет использования интонации, а с другой стороны, более полное использование в письменном тексте всей системы времен, наличие специальных правил согласования времен и т. д.

Естественно поэтому, что реляционный тип языка оказывается тесно связан с письменным типом культуры – не просто с наличием письменности, но с самым широким распространением письменной традиции (чему способствует и наличие буквенной системы письма, также связанной, как было показано выше, с типологическими свойствами языка) и глубоким влиянием письма на весь строй культуры²⁵. Абстрактный характер коммуникации, характерный для реляционных языков, создает благоприятную почву для накопления текстов и создания все новых текстов: неограниченность условий коммуникации, незаданность определенного контекста и определенного адресата стимулирует появление бесконечного

числа новых текстов; самодостаточность каждого текста, его способность к неограниченному числу воспроизведений в различных ситуациях способствует накоплению текстов. В итоге складывается культура э к с п а н с и о н и с т с к о г о типа, существующая в условиях постоянного увеличения и накопления числа текстов, а значит и постоянных инноваций. Непрерывное изменение, идея развития и прогресса становятся неотъемлемым атрибутом этой культуры и выступают тем яснее, чем дальше заходит процесс развития.

Другая черта данного культурно-языкового ареала, отмеченная ранее, – установка на самоописание, на определение структурных закономерностей и выработку кодификации – также тесно связана с рассматриваемыми здесь свойствами. Непрерывное развитие и увеличение числа текстов вызывает потребность в кодификации и в то же время создает благоприятную почву для возникновения эксплицитно сформулированного свода правил, поскольку в условиях обновления и открытого продуцирования текстов структурные закономерности, лежащие в их основе, легче вычлняются, осознаются отдельно от текстов. С этим связано также развитие кодифицирующего типа «обучения культуре»²⁶.

С другой стороны, актуально-апеллятивный тип языка не стимулирует увеличение числа текстов в такой степени, поскольку больше зависит от условий, в которых и для которых он создается. Это создает предпосылки для складывания традиционного типа культуры, при котором заданы типовые условия коммуникации, и тексты, предназначенные для этих условий, имеют тенденцию устойчиво передаваться традицией. Иероглифический тип письма также хорошо соответствует этой тенденции, т. к. не создает благоприятной почвы для широкого распространения письменности. (Быть может, именно поэтому юго-восточный маргинальный ареал стал самой мощной зоной корнеизолирующих языков: общие черты маргинального ареала были здесь подкреплены апеллятивной ориентацией языка и связанными с ней тенденциями культуры). Традиционный тип культуры не развивает кодифицирующую установку: «обучение культуре» строится в виде непосредственной передачи текстов, что в свою очередь хорошо соответствует общей актуально-апеллятивной установке языка. Таким образом, выделенные в настоящей работе типологические противопоставления структуры естественных языков обнаруживают значительные корреляции с параметрами типологии культуры.

4. Описанная система в целом охватывает почти все языки мира. Исключение составляет только один большой ареал: австралийские языки, которые демонстрируют большое разнообразие типов – здесь имеются языки всех описанных ранее структур. Можно на этом основании предпо-

ложить, что образование основной системы языков произошло уже после обособления Австралийского континента; языки Австралии так же обособлены от основной системы, как австралийская флора и фауна.

Это обстоятельство позволяет вообще поставить вопрос о том, каков приблизительно период образования ареальной системы языков в ее описанных выше параметрах и противопоставлениях. Важным фактором в этой связи представляется предположительное время заселения Сибири и Америки. Поскольку географическое расположение языков на территории Сибири хорошо соответствует особенностям их структуры, закономерно предположить, что образование языковой ареальной системы в основных чертах происходило тогда, когда Сибирь была уже полностью заселена. С другой стороны, поскольку американские языки типологически соответствуют палеоазиатской области, можно полагать, что в основных типологических параметрах эти языки сложились до миграции на Американский континент. Принимая во внимание все указанные факторы, следует сделать вывод о том, что складывание по крайней мере некоторых фундаментальных типологических параметров, определивших дальнейшее становление ареальной языковой системы, относится к чрезвычайно отдаленной эпохе – позднему палеолиту или мезолиту; именно к эпохе мезолита предположительно относится появление человека в Австралии и Сев. Америке. Следует также заметить, что резкое перемещение языка из одной зоны в другую, вызванное миграцией, постепенно отражается на его структурных свойствах и приводит в конце концов к ассимиляции языка со свойствами того ареала, в котором он оказался. Как далеко заходит этот процесс ассимиляции в каждом отдельном случае – зависит от количества времени, прошедшего после миграции. Можно даже приблизительно определить минимальную протяженность периода ассимиляции, необходимую для того, чтобы процесс дал существенные результаты. Так, миграция некоторых ф.-у. языков (прибалтийско-финских и венгерского) далеко на запад дала ощутимые результаты в отношении сближения строя этих языков с западноевропейским структурным типом. То же можно сказать и о миграции восточных славян в Вост. Европу: язык восточных славян воспринял целый ряд черт, делающих его типологически более близким к ф.-у. и алтайским языкам. В то же время перемещение части тюрков на запад или колонизация Америки европейцами не отразились сколько-нибудь заметно на свойствах турецкого и западноевропейских языков в новых ареалах. В приведенных примерах оказалось необходимым около тысячи лет для того, чтобы миграция дала значительные результаты в языковой ассимиляции; однако интенсивность языковых контактов, структурная близость и другие фак-

торы могут оказывать значительное воздействие на темпы и срок такой ассимиляции. Так, например, сильное развитие аналитизма в африканс, вполне соответствующее ареальному положению этого языка, совершилось в течение гораздо меньшего промежутка времени – не более 300 лет. Однако следует заметить, что отправной точкой для этого развития послужили английский и голландский языки, сами уже обладавшие значительными чертами аналитического строя; существенную роль в развитии аналитизма сыграли и особенности социальной функции, которую первоначально выполнял африканс. Установление сроков и темпов ареальной ассимиляции языков может оказаться важным при исследовании параллелей между глоттогенезом и образованием культурного типа в определенном ареале.

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что ареальная типология способна открыть новые возможности в изучении проблемы «язык и культура», в установлении корреляций между свойствами естественного языка и типологией культуры. Попытки установить связь между свойствами отдельных конкретных языков и поведением и психологией их носителей нередко вызывали скептическую реакцию; действительно, и свойства отдельного языка, и тем более характеристика социума, говорящего на этом языке, слишком подвижны и изменчивы, слишком подвержены воздействию многих внешних факторов, чтобы можно было говорить об устойчивой и значимой корреляции между ними. Однако выделение и противопоставление крупных и устойчивых лингво-культурных ареалов и комплексное описание судьбы языков и культур в каждом ареале позволяет вывести проблему параллелизма между языком и культурой на новый, более масштабный уровень. Задачей лингво-культурологии становится описание общей системы, основные фундаментальные черты которой складывались и развивались на протяжении всей культурной и языковой истории человечества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Примером развернутого описания различных языковых микроареалов может служить кн.: Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1971, с. 51–80.

В лингвистике встречаются, правда, отдельные примеры выделения более крупных ареалов. Ср., напр., описание Евразийского языкового союза, охватывающего очень большой территориальный массив (Р. Якобсон. К характеристике евразийского языкового союза, в кн.: R. JAKOBSON. Selected Writings, v. I. The Hague-Paris, 1971). Однако в этом случае учитывались только фонологические параметры, т. е. не давалась полная типологическая характеристика ареала.

²Н. Я. МАРР. Язык и мышление. – В сб.: Избранные работы. Т. 3, Л., 1934, в особ. с. 102 и сл.

Более разработанный вариант стадийной типологии языков, представленный в работах И. И. Мещанинова и основанный на характере синтаксической структуры, также отвлекается от территориального фактора. См. И. И. Мещанинов. Новое учение о языке. Стадийная типология. Л., 1936; ЕГО ЖЕ. Общее языкознание. – В кн.: И. И. Мещанинов. Проблемы развития языка. Л., 1975.

³О. JESPERSEN. Language: Its Nature, Development and Origin. London, 1925.

⁴Продолжение гумбольдтианской концепции языковой «картины мира» в XX веке реализовалось преимущественно в работах немецких лингвистов и философов: G. SCHMIDT-ROHR. Die Sprache als Bilderin der Völker. Jena, 1932; L. WEISGERBER. Vom Weltbild der deutschen Sprache, B. 1-2. Düsseldorf, 1953; H. GIPPER. Bausteine zur Sprachinhaltsforschung. Düsseldorf, 1963. См. также: И. ПШИГОТАЖЕВА. М. Хайдеггер и неогумбольдтианство. – «Вестник МГУ», Философия, 1970, № 3; E. ALBRECHT. Bestimmt die Sprache unser Weltbild? Berlin, 1972, с. 102 и сл.

⁵«Гипотеза лингвистической относительности» Э. Сепира – Б. Уорфа вызвала множество откликов и комментариев, которые, однако, как правило, ограничиваются самыми общими рассуждениями и не содержат сколько-нибудь существенных альтернатив данной постановке проблемы «язык и культура». В качестве примера содержательного общего обзора проблематики можно указать кн.: K. HORÁLEK. Filosofie jazyka. Praha, 1967 («Acta Universitatis Carolinae. Philologica monographia. XV»). См. также: Г. А. Брутян. Гипотеза Сепира – Уорфа. Ереван, 1968; Г. В. Колшанский. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975 (гл. «Язык и картина мира») и мн. др.

Более общее противопоставление логического и дологического, логического и мифологического мышления (Л. ЛЕВИ-БРЮЛЬ. Первобытное мышление. М., 1930; E. CASSIRER. Language and Myth. N. Y., 1946), при котором структура естественного языка рассматривается в качестве одного из конститутивных факторов, в сущности также опирается на бинарную корреляцию европейского vs. неевропейского («экзотического») лингво-культурных ареалов.

⁶Примером исследований этого последнего типа могут служить работы К. Фосслера. См.: K. VOSSLER, Frankreichs Kultur im Spiegel seiner Sprachentwicklung. Heidelberg, 1913; см. также F. N. FINK. Der deutsche Sprachbau als Ausdruck deutscher Weltanschauung. Marburg, 1899; O. WEISE. Charakteristik der lateinischen Sprache. Leipzig, 1899.

⁷Именно о взаимной корреляции между языковой и культурной (социальной) структурой говорится в большинстве современных работ, посвященных данной проблеме. Ср. в особенности Д. Х. Хаймс. Два типа лингвистической относительности (с примерами из этнографии американских индейцев), Рус. пер. в кн.: «Новое в лингвистике», вып. VII. М., 1976, с. 238–240; J– A. FISHMAN. The Sociology of Language. Rowly, 1972, p. 170–172; A.D. GRIMSHAW. Sociolinguistics, в кн.: «Advances in the Sociology of Language». The Hague, 1971. Представляется, что ареальная типология языков, обнаруживая параллели между

языковыми и культурными ареалами, хорошо подходит именно к такой постановке проблемы «язык и культура».

⁸ С. MEINHOF. Grundzüge einer vergleichenden Grammatik der Bantusprachen. Berlin, 1906, S. 5–27.

⁹ Ср. применение данного принципа для языка лингала (И. Н. Топорова. Язык лингала. М., 1974, с. 23–32), в котором оказываются в результате выделены 8 классов. Также 8 классов могут быть выделены на основании данного принципа для суахили.

¹⁰ Б. Х. ТОДАЕВА. Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология. М., 1951, с. 52–53.

¹¹ G. J. RAMSTEDT. Über die Konjugation des Khalkha – Mongolischen. – Heidelberg, 1903, S. 55–57. Б. Х. ТОДАЕВА, ук. соч., с. 143 и сл.

¹² На то, что инкорпорирующая техника представляет собой развитие и доведение до крайних пределов принципа агглютинации, имеются указания в специальной литературе. Ср. П. Я. СКОРИК. О соотношении агглютинации и инкорпорации. – В кн.: Понятие агглютинации и агглютинативного типа языков. М., 1961, с. 9–10.

¹³ В алтайских, палеоазиатских, а также некоторых индейских языках выделяются классы имен, однако эти классы не имеют согласовательного значения: они различаются не правилами соединения с Р, а структурой именной парадигмы. Например, в чукотском языке имеются 3 класса имен, различающихся составом падежной парадигмы и наличием vs. отсутствием специальной формы для мн. ч. в косвенных падежах. См. П. Я. СКОРИК. Чукотский язык. – В кн.: Языки народов СССР. Т. V. М., 1968, с. 255.

¹⁴ «Народы Америки», т. I. М., 1955, см. в особ. с. 21–24.

¹⁵ Например, значительного развития МФ достигает в алгонкинских языках. Элементы МФ наблюдаются также в языках сиу-хока и нек. др.

¹⁶ Ю. К. ЩЕГЛОВ. Очерк грамматики языка хауса. М., 1970, с. 188.

¹⁷ На связь между сингармонизмом и агглютинацией указывалось в работе: Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ. Причины устойчивого сохранения агглютинативного строя на протяжении многих веков. – В кн.: Понятие агглютинации и агглютинативного типа языков. Л., 1961, с. 4.

¹⁸ См., напр., В. Скаличка. К вопросу о типологии. – ВЯ, 1966, № 4; P. SGALL. On the Notion «Type of Language». – В кн.: Travaux linguistiques de Prague. Prague, 1971.

¹⁹ К. V. TEETER. The Wiyot Language. Berkeley and Los Angeles, 1964 («Univ. of California Publications in Linguistics», 37), pp. 64–65.

²⁰ Сходство между языками инкорпорирующего строя и банту в отношении образования комплексной номинации отмечается в работе: Г. П. МЕЛЬНИКОВ, Н. В. ОХОТИНА. Выявление детерминанты и классификация морфем банту (на материале суахили). – В кн.: Проблемы африканского языкознания. М., 1972, с. 49.

²¹ Ср. указание на то, что в периферийных дагестанских языках уменьшается число падежей, в работе: Ф. А. ГАЙДАРОВА. Падежная система в дагестанских языках (ареальный очерк). – В кн.: Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1975, с. 65.

²² Л. Н. МОРЕВ, А. А. МОСКАЛЕВ, Ю. Я. ПЛААМ. Лаосский язык. М., 1972, с. 121–124.

²³ См. В. М. АЛПАТОВ. Категории вежливости в современном японском языке. М., 1973, с. 9–12.

²⁴ Категория вида играет роль актуализатора не в рамках одного отдельно взятого предложения, а в масштабе целого связного текста. Целое законченное сообщение, как правило, должно содержать хотя бы одну форму СВ; без этого оно выглядит незавершенным. Таким образом глагол в форме СВ выполняет функцию предиката в масштабе целого текста. Соответственно, предложения с НСВ в масштабе целого текста образуют пресуппозицию, которая должна быть предсказана формой СВ. Так вид регулирует АЧ макровысказываний, состоящих из группы предложений. См. об этой функции вида подробнее: Б. М. ГАСПАРОВ. Функции видовой корреляции в связном тексте. – «Уч. зап. ТГУ» (в печати).

²⁵ Культурно-семиотические корреляты устной и письменной формы языка рассматриваются в работах: Ю. М. ЛОТМАН. Устная речь в историко-культурной перспективе. – «Уч. зап. ТГУ», вып. 441 Тарту, 1978; Б. М. ГАСПАРОВ. Устная речь как семиотический объект. – Там же.

²⁶ См. Ю. М. ЛОТМАН. Проблема «обучения культуре» как типологическая характеристика. – В кн.: Ю. М. ЛОТМАН. Статьи по типологии культуры. I. Тарту, 1970.